

Научная статья
УДК 81'42
doi: 10.17223/19986645/99/4

Стихотворение О.Э. Мандельштама «Змей»: опыт лингвистической интерпретации серпентологических образов

Людмила Викторовна Калинина¹

¹ *Вятский государственный университет, Киров, Россия, grifon.kalinina@yandex.ru*

Аннотация. Представлена лингвистическая интерпретация стихотворения «Змей» через выявление ассоциативно-образного потенциала лексем «змей», «змея», «удав» в поэтических текстах О. Мандельштама. В семантической структуре серпентологических образов выделены два уровня: культурологический и субъективно-личностный, с каждым из которых соотнесены значимые смысловые признаки. Показано, что образ змея / змеи в поэзии Мандельштама метафорически характеризует состояние субъекта в момент сложного внутреннего выбора.

Ключевые слова: лингвистическая интерпретация поэтического текста, семантическая структура образа, номинации змей, ассоциативно-образный потенциал слова, О. Мандельштам

Для цитирования: Калинина Л.В. Стихотворение О.Э. Мандельштама «Змей»: опыт лингвистической интерпретации серпентологических образов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2026. № 99. С. 77–99. doi: 10.17223/19986645/99/4

Original article
doi: 10.17223/19986645/99/4

Osip Mandelstam's poem "The Serpent": An experience of linguistic interpretation of serpentine imagery

Liudmila V. Kalinina¹

¹ *Vyatka State University, Kirov, Russian Federation, grifon.kalinina@yandex.ru*

Abstract. This article presents a linguistic interpretation of the poem "The Serpent" ("Zmey") and identifies the most significant semantic components in the structural meaning of the serpent/snake image in Osip Mandelstam's poetic texts. The primary methods employed are definitional analysis, componential analysis, contextual analysis, and semantic-stylistic analysis. The research progressively addresses the following tasks: 1) identifying the corpus of Mandelstam's poems that contain serpentine imagery; 2) extracting conceptual and linguistic information about snakes from various dictionary types, providing the background against which the specificity of serpentine imagery in Mandelstam's poetry can be discerned; 3) analyzing the poem

"The Serpent" through the prism of the associative and figurative potential of the words *zmey* (masculine serpent), *zmeya* (feminine snake), and *udav* (boa constrictor), and determining the dominant meanings of the serpent/snake image in Mandelstam's poetry; 4) modeling the semantic structure of the serpent/snake image in Mandelstam's poetry. The author's main conclusions are as follows. In Mandelstam's poetic legacy, only five poems containing serpentine imagery are found, with just three nominations for snakes: *zmey*, *zmeya*, and *udav*. The most significant among these poems is "The Serpent," where the serpent/snake image unfolds on two levels simultaneously: the cultural and the subjective-personal. The cultural level comprises several components: conceptual-linguistic, biblical, and mythological. The conceptual-linguistic component contains information about snakes familiar to most native speakers and codified in various dictionary types. The biblical component arises from the associative-semantic connection of the nomination *Zmey* (Serpent) with the image of the serpent-tempter (Satan). The mythological component is activated through the phrase "dancing snake" (*zmeya tantsuyushchaya*): in the legends and myths of world cultures, the snake is often endowed with hypnotic power, and the snake's dance is its means of throwing a victim into torpor. At the subjective-personal level, three dominant semantic features of particular significance to Mandelstam were identified within the serpent/snake image: ambivalence, dynamism, and association with intense emotion. The ambivalence of the image stems from the differing lexico-grammatical characteristics of the nominations *zmey*, *zmeya*, and *udav*, causing the image to appear simultaneously as "masculine" and "feminine," "generalized" and "concretized." Dynamism and changeability are created primarily through the depiction of the serpent/snake using lexis of visual and kinesthetic perception. The connection with intense emotion and suffering arises from the direct identification of "dancing snakes" with "passions" and the use of serpent nominations surrounded by lexis denoting unpleasant auditory and painful tactile sensations. Overall, the serpent/snake image in Mandelstam's poetry embodies the very moment of the subject's existence in a liminal state, in a situation of difficult choice, "temptation," temporary loss of bearings, loss of emotional equilibrium, and intense, painful inner search.

Keywords: linguistic interpretation of poetic text, semantic structure of image, snake nominations, associative-figurative potential of word, Osip Mandelstam

For citation: Kalinina, L.V. (2026) Osip Mandelstam's poem "The Serpent": An experience of linguistic interpretation of serpentine imagery. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 99. pp. 77–99. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/99/4

Введение

Поэзия О.Э. Мандельштама – богатый материал для лингвистического анализа, постоянно привлекающий внимание учёных. Творчеству поэта посвящён ряд языковедческих диссертаций и монографий, ср., например: [1–5]. Среди исследований есть те, в которых рассматриваются образы животных в произведениях О. Мандельштама [6–10]. При этом серпентологические (от лат. *serpens* – змея) образы в поэзии О.Э. Мандельштама, насколько нам известно, ещё не были предметом специального лингвистического анализа.

Целью настоящей статьи является лингвистическая интерпретация стихотворения «Змей» и выявление наиболее важных смысловых компонентов

в семантической структуре образа змея / змеи в поэтических текстах О.Э. Мандельштама.

При работе с художественным текстом исследователю-интерпретатору «необходимо постичь слово как знак творчества, как образ, чтобы осознать и понять индивидуальность авторского видения действительности» [11. С. 15]. В соответствии с этим единицей анализа в работе является лексема, рассматриваемая в аспекте её способности «вызывать конкретно-чувственные, эмоционально-оценочные и другие представления о том или ином объекте реальной действительности или “реалии сознания”» [12. С. 90] и тем самым выступать в качестве образа. Под образом нами вслед за Н.А. Илюхиной понимается «единица, которая, имея в своей основе обобщённое чувственно-наглядное представление... и аккумулируя разнообразные признаки этой реалии, во всём их многообразии эксплицируется соответствующими... лексико-фразеологическими средствами, образующими ассоциативно-семантическое поле» [13. С. 6]. В центре нашего внимания находятся серпентологические образы в стихотворениях О.Э. Мандельштама и те смыслы, которыми поэт наделяет лексемы, обозначающие змей.

Исследование осуществляется в несколько этапов, на каждом из которых решается конкретная задача: 1) установление состава стихотворений О.Э. Мандельштама, включающих серпентологические образы; 2) выявление концептуально-языковой информации о змеях по данным словарей разных типов в качестве того фона, на котором может быть обнаружена специфика серпентологических образов в поэзии О.Э. Мандельштама; 3) анализ стихотворения «Змей» через призму ассоциативно-образного потенциала слов *змей*, *змея*, *удав* и определение смыслов, доминантных для образа змея / змеи в поэзии О.Э. Мандельштама; 4) моделирование семантической структуры образа змея / змеи в поэзии О.Э. Мандельштама.

На каждом этапе исследования используются соответствующие методы. Первый этап является подготовительным и позволяет на основе количественных подсчётов чётко определить материал исследования. На втором этапе применяются методы дефиниционного и компонентного анализа, предназначенные для выявления тех сем, которые «представляют собой отражение в сознании носителей языка различительных черт, объективно присутствующих объекту действительности, обозначенному данным словом» [12. С. 107]. На третьем этапе в качестве ведущих выступают методы семантико-стилистического и контекстуального анализа, благодаря которым реализуется «возможность изучить механизм смысловой трансформации лексических единиц в системе художественного произведения и определить их стилистическую роль» [12. С. 117]. На заключительном этапе обобщаются результаты исследования и моделируется семантическая структура образа змея / змеи в поэзии О. Мандельштама.

Важными для методологии настоящего исследования являются идеи и подходы, представленные в работах О.Ю. Авдевиной, Н.С. Болотновой, Н.А. Илюхиной, Н.Н. Казыдуб, О.А. Усачевой, Н.В. Халиковой, посвящён-

ных лингвистическому изучению художественных текстов [13–20]. Учитываются также результаты наблюдений за функционированием лексических средств в поэзии О.Э. Мандельштама, полученные Н.С. Болотновой, А.А. Васильевой, А.В. Жучковой, Д.М. Сегалом, А.В. Шутовой [1, 5, 15–16, 21–24]. Мы опираемся и на собственный опыт исследования поэзии О.Э. Мандельштама [25–27]. Наши предшествующие наблюдения во многом соответствуют выводам А.А. Васильевой о том, что «важной чертой ассоциативной организации лирики О. Мандельштама является одновременная ориентация на целый спектр различных направлений ассоциирования... Противоположные направления ассоциирования в текстах поэта имеют тенденцию к совмещению» [21. С. 135]. Д.М. Сегал в своё время назвал эту особенность поэтики О.Э. Мандельштама «амбивалентной антитезой»: «В основе “амбивалентной антитезы” лежит постоянный мандельштамовский приём противопоставления как антитетических двух слов или смысловых признаков... в котором оба контрастирующих – часто по второстепенным семантическим элементам – понятия максимально разводятся по смысловым параметрам и одновременно сближаются, обмениваются признаками, отождествляются» [23. С. 450]. Мы согласны и с А.В. Жучковой в том, что «поэтической речи Мандельштама свойственно “вещественно-конкретное звучание”», в его стихах высока частотность использования перцептивной лексики [22. С. 98].

Как будет показано далее, отмеченные особенности поэтики О.Э. Мандельштама – разновекторная ассоциативность и создание образов на основе конкретной и перцептивной лексики – в значительной мере проявляются и в стихотворении «Змей».

Материалом исследования явились стихотворения О.Э. Мандельштама, вошедшие в издания «Камень» [28] и «Собрание произведений. Стихотворения» [29]. Чтобы установить, насколько образ змея / змеи характерен и важен для Мандельштама, мы обратились к изданию «Собрание произведений. Стихотворения» [29] как к достаточно полному, содержащему стихотворения разных лет, в том числе не включённые автором в сборники «Камень», «Tristia», «1921–1925», «Новые стихи». Всего было рассмотрено 416 поэтических произведений (за исключением стихотворений для детей, шуточных стихотворений и стихотворных переводов). Лексемы, номинирующие змей (*змей, змея, удав*), встречаются в пяти стихотворениях: «Змей» (1910), «В самом себе, как змей, таясь...» (1910), «Когда мозаик никнут травы...» (1910), «Не спрашивай – ты знаешь...» (1911), «Ламарк» (1932); в стихотворении «Как овцы, жалкою толпой...» (1914) упоминается также *змеиная тропа*. Поскольку большая часть перечисленных стихотворений относится к периоду раннего творчества О. Э. Мандельштама, обычно определяемому как «период “Камя”», мы также обратились к академическому изданию этого сборника [28], снабжённого комментариями и примечаниями. Обратим внимание на то, что стихотворение «Змей» – центральный объект нашего анализа – вошло лишь в первое издание «Камя», тираж которого составил 300 экземпляров, и более никогда не включалось в сборники [30. С. 280].

Перейдём к непосредственному анализу серпентологических образов в поэзии О. Э. Мандельштама в соответствии с представленной выше последовательностью шагов.

Результаты и обсуждение

Номинации змей в поэзии О.Э. Мандельштама

Как справедливо отмечают М.А. Карелова и Л.М. Григорьева, исследовавшие поэтические тексты О.Э. Мандельштама с помощью статистических методов, «в языке художественного произведения находит своё отражение язык национальный, характер индивидуально-авторского словоупотребления соотносится одновременно с индивидуальным стилем автора и общезначимыми принципами организации языкового и текстового пространства» [31. С. 36]. В связи с этим важным представляется определить место номинаций змей в поэзии О.Э. Мандельштама, с одной стороны, в соотношении с показателями его собственного словоупотребления, с другой стороны, в соотношении с данными национального языка.

В составе 416 проанализированных стихотворений мы обнаружили 104 зоонима в 278 случаях употребления, что говорит о достаточно высокой «плотности» использования зоонимов в стихах О.Э. Мандельштама. При этом номинации змей представлены лишь тремя лексемами (*змей, змея, удав*) в семи употреблениях. Как видим, интересующие нас номинации нельзя назвать самыми частотными на фоне общего количества зоонимов в стихах О.Э. Мандельштама.

Что касается названий змей в русском национальном языке конца XIX – начала XX в., то в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова, отражающем лексику данного исторического периода, мы обнаружили более 20 соответствующих лексических единиц [32]. Следовательно, из всего разнообразия номинаций змей, известных большинству носителей языка, Мандельштам использует лишь три. Выбор любого слова в поэзии не случаен, и он требует объяснения.

Это объяснение, на наш взгляд, состоит в том, что именно лексемы *змея, змей, удав* концентрируют в себе основную информацию о змеях, которая закрепилась в русском языковом сознании. Благодаря этому указанные лексемы способны вызывать у читателя более или менее устойчивые представления о змеях, порождать образные и культурные ассоциации, связанные с этой реалией, иными словами – выполнять регулятивную функцию, т.е. «управлять читательским восприятием и интерпретационной деятельностью» [12. С. 164].

Далее обратимся к выявлению концептуально-языковой информации о змеях, которая зафиксирована словарями разных типов и является тем необходимым фоном, на котором можно будет обнаружить специфику создания образа змея / змеи в поэзии О.Э. Мандельштама.

Концептуально-языковая информация о змеях по данным словарей

«Для адекватного восприятия текста важен общий фонд знаний, “коммуникативный фон”», – пишет А.В. Шутова [5. С. 19]. В нашем случае к этому фону можно отнести информацию о змеях, известную большинству носителей языка и закреплённую словарями различных типов.

Этимологически слова *змея*, *змея*, *змий* связаны с корнем *-зм- / -зем-*, обозначающая существо, «ползающее по земле» [33. С. 163]; *удав* происходит от глагола *давити* ‘удушать’ [33. С. 119, 461].

С позиций идеографического описания лексемы *змея* и *удав* принадлежат к тематической группе «Существительные, обозначающие пресмыкающихся животных (рептилий)» и имеют типовую семантику «позвоночные животные, для которых характерно смешанное кровообращение, лёгочное дыхание, непостоянная температура тела, кожа, покрытая (у большинства) роговыми чешуями или щитками; питающиеся преимущественно животной пищей, откладывающие яйца» [34. С. 61; 35. С. 444–445]. У лексемы *змея* возможно и переносное употребление «человек, ведущий себя жестоко по отношению к другим людям, проявляющий в своём поведении деспотизм, властолюбие и своеволие» [34. С. 691].

Согласно данным толковых словарей, *змея* – «пресмыкающееся с длинным извивающимся телом, часто с ядовитыми железами в пасти»; *змея* – «1. То же, что змея (устар. и обл.). 2. Сказочное чудовище с туловищем змеи. 3. То же, что воздушный змей»; *удав* – «большая хищная змея тропических стран, обвивающая свою жертву при нападении» [36. С. 279, 1018]. В русском языке существует также устаревшее слово *змий*, которое непосредственно у О.Э. Мандельштама не встречается, но в некоторых контекстах явно подразумевается во фразеологизированном значении ‘*змий-искуситель*’ – «тот, кто вводит в искушение, искуситель [по библейскому сказанию о грехопадении Адама и Евы, которых искусил змий]» [36. С. 279].

С данными словами существуют и другие устойчивые сочетания и фразеологизмы: *змея подколодная* – «злобный, коварный, опасный человек» [37. С. 174]; *до зелёного змия* – «мертвецки, до галлюцинаций, нервного расстройства и т.п. (напиться, быть пьяным)» [37. С. 174]; *извиваться змеёй (ужом)* – «1. *перед кем.* Лльстить, угождать, подхалимничать. 2. Изворачиваться, ловчить, хитрить» [37. С. 183]; *отогреть змею на груди* – «проявлять внимание, заботу, любовь и т.п. к человеку, который впоследствии платит за это неблагодарностью» [37. С. 305]; *мудры как змии и кротки как голуби* – «о мудрых, проникательных и беззлобно-кротких людях» [38. С. 253]; *как удав на кролика смотрит кто-н.* – «как бы гипнотизируя и лишая воли» [36. С. 1018]; *удавий взгляд* – «перен. заставляющий замереть, оцепенеть» [36. С. 1018].

Анализ приведённых толкований показывает, что в семантике слов *змея* (*змий*), *змея*, *удав* присутствуют денотативные семы ‘животное’, ‘пресмыкающееся, ползающее по земле’, ‘извивающееся’, ‘покрытое чешуёй’, ‘хищ-

ное', 'умерщвляющее добычу с помощью яда или удушения' и коннотативные семы 'коварное', 'злое, лживое', 'способное загипнотизировать, подчинить своей воле', 'способное ввести в искушение', 'много знающее, мудрое'. Обратим внимание на противоречивость ряда выявленных признаков: с одной стороны, змея – это существо 'пресмыкающееся, ползающее по земле', т.е. буквально 'находящееся низко', принадлежащее к «нижнему миру» [6], с другой – 'способное подчинить своей воле', т.е. 'способное занять высокое, доминирующее положение'. Это существо, будучи 'коварным, злым, лживым', представляется также 'мудрым'.

Насколько полно данные семы актуализируются в стихах О.Э. Мандельштама? Обратимся непосредственно к текстам интересующих нас стихотворений.

*Ассоциативно-образный потенциал лексем
змея, змея, удав в стихотворении «Змей»
и других поэтических текстах О.Э. Мандельштама*

В центре нашего внимания будет находиться стихотворение «Змей» (1910), которое и хронологически, и содержательно предвосхищает все остальные произведения со «змеиными мотивами». Приведём его целиком, выделяя лексические единицы *змея, змея, удав*. Текст стихотворения приводится по изданию «Камень» [28. С. 131].

Змей

*Осенний сумрак – ржавое железо –
Скрипит, поёт и разъедает плоть:
Что весь соблазн и все богатства Креза
Пред лезвием твоей тоски, Господь!*

*Я как змеей танцующей измучен
И перед ней, тоскуя, трепещу;
Я не хочу души своей излучин,
И разума, и Музы не хочу...*

*Достаточно лукавых отрицаний
Распутывать извилистый клубок;
Нет стройных слов для жалоб и признаний,
И кубок мой тяжел и неглубок!*

*К чему дышать? На жестких камнях пляшет
Больной удав, свиваясь и клубясь;
Качается, и тело опояшет,
И падает, внезапно утомясь.*

*И, бесполезно, накануне казни,
Видением и пеньем потрясен,
Я слушаю, как узник, без боязни,
Железа визг и ветра темный стон...*

Всё стихотворение, написанное от лица лирического субъекта («я»), названо «Змей». Озаглавленные стихотворения встречаются у О.Э. Мандельштама довольно редко – из 165 стихотворений 1906–1915 гг., включённых в издание [28], специальное название имеют лишь 38. Использование лексемы *змей* в заголовочной позиции говорит о том, что интерпретации, с «серпентологической» точки зрения, должны подлежать не только отдельные строки или строфы, в которых упоминаются лексические единицы *змей*, *змея*, *удава*, но и текст целиком.

Прежде всего обратим внимание на то, что в данном стихотворении представлены все три «змеиные» лексемы, которые встречаются в поэзии О.Э. Мандельштама: *змей*, *змея*, *удава*. Это делает образ весьма сложным, амбивалентным: из-за использования существительных мужского и женского рода (*змей*, *удава* – *змея*) образ одновременно и «мужской», и «женский»; из-за использования гиперонимов *змея*, *змей* и гипонима *удава* – и «обобщённый», и «конкретный». Это ощущение колебания между противоположностями – ключевое для стихотворения и поддерживается на разных уровнях.

Рассмотрим, какие составляющие могут быть выявлены в семантической структуре образа *змея* / *змей* и как они взаимодействуют в контексте стихотворения.

Змей-искуситель. В первой строфе мы видим слова *соблазн* и *Господь*. Вместе с заглавием «Змей» они выстраиваются в ассоциативно-смысловой треугольник: *Змей* – *соблазн* – *Господь* (рис. 1).

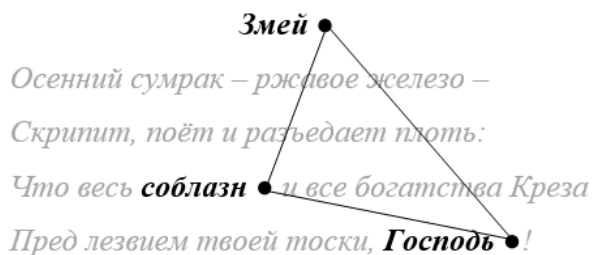

Рис. 1. Расположение лексем *Змей* – *соблазн* – *Господь* в начале стихотворения «Змей»

Последовательность слов такова, что на крайних точках располагаются *Змей* (в заголовочной позиции, с прописной буквы, что позволяет интерпретировать это употребление как своего рода имя собственное – ‘змеи-искуситель, Сатана’) и *Господь*, а «гранью» между ними является *соблазн*. В зависимости от того, какой выбор будет сделан в ситуации «соблазна», человек оказывается ближе либо к Змею (Сатане), либо к Господу. Строки Мандельштама словно отсылают читателя к «Откровению Иоанна Богослова», где сказано: *И низвержен был великий дракон, древний змий, называемый*

диаволом и сатаной, **обольщающий** всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним [39]. Такая интерпретация в дальнейшем получает своё подкрепление.

В третьей строфе появляется словосочетание *лукавых отрицаний извилистый клубок*. Попытаемся обосновать появление в тексте каждого из этих слов и проследить их связи с другими словами в стихотворении. *Лукавый*, как известно, является одним из традиционных эпитетов Сатаны [40]. *Извилистый клубок* может ассоциироваться с клубком змей: в «Русском ассоциативном словаре» зафиксировано, что на слово-стимул «клубок» ответная реакция «змей» возникает одной из первых – на 4-м месте [41]. В контексте стихотворения, когда читателю уже предъявлен и *Змей* в названии, и *змея танцующая* во 2-й строфе (об образе танцующей змеи будет сказано далее), ассоциативная связь *извилистого клубка* со «змеиной» семантикой усиливается. Под *отрицаниями* вполне могут пониматься строки: **Я не хочу души своей излучин, / И разума, и Музы не хочу; Нет стройных слов для жалоб и признаний; К чему дышать?**, в которых в прямой или косвенной форме выражен «пафос этого стихотворения», состоящий «в отказе от души, от дыхания, от себя, от творчества» [24. С. 390]. Вероятно, лирический герой сознаёт «лукавость» этих отрицаний, сознаёт то, что они внушаются Змеем и стремится их отринуть: «достаточно, пора перестать распутывать клубок лукавых, внушаемых Змеем отрицаний». Однако страдания и искушения, мучающие поэта, не могут сравниться с тем соблазном уйти от своей судьбы, который был у Христа: **Что весь соблазн... Пред лезвием твоей тоски, Господь**. Мандельштам, конечно же, не может прямо сравнивать свою судьбу и судьбу Христа, но это сравнение неявно заключено в строках **И клубок мой тяжёл и неглубок <...> Накануне казни...** Символика кубка (чаши) в христианстве весьма сложна, но одно из самых известных значений – это символ страданий Христа в Гефсиманском саду (именно «накануне казни»): *Душа Моя скорбит смертельно... Отче Мой! если возможно, да минует Меня чаша сия; впрочем не как Я хочу, но как Ты* [42].

Итак, первая составляющая образа змея в данном стихотворении может быть названа «библейской», когда, по словам Д.М. Сегала, «змея предстаёт в своей метафорической ипостаси извечного падшего ангела, соблазнителя, отрицателя всего» [24. С. 390].

Заметим, что библейская интерпретация образа змея, хотя и в ином ключе, представлена и в другом произведении О.Э. Мандельштама 1910 г.: *Когда мозаик никнут травы / И церковь гулкая пуста, / Я в темноте, как змей лукавый, / Влечусь к подножию креста* (Когда мозаик никнут травы... 1910). В приведённых строках мы видим в одном ряду *церковь*, *змея лукавого* и *крест*, а в финале стихотворения выражается сомнение в реальности, «настоящести» материального земного существования: *Быть может, только призрак плоти / Обманывает нас в мечтах, / Просвечивает меж лохмотий / И дышит в роковых страстях*. Слова *плоть* и *дышит* вербально, эксплицитно объединяют это стихотворение со стихотворением

«Змей», а словосочетание *роковые страсти* создают связь неявную, имплицитную (об уровнях и видах ассоциирования см. [21. С. 133–134]) – далее мы постараемся её объективировать.

Танцующая змея. Библейская составляющая образа змея / змеи в стихотворении «Змей» не является единственной. Другая вариация этого образа – танцующая змея. Образ танцующей змеи возникает в стихотворении дважды. Сначала он появляется как основа для сравнения: *Я как змеей танцующей измучен/ И перед ней, тоскуя, трепещу.* Через несколько строк змея становится более реальной и конкретной (в ближайшем предтексте отсутствуют сравнительные союзы) и оказывается «большим удавом»: *К чему дышать? На жёстких камнях пляшет/ Больной удав, свиваясь и клубясь;/ Качается, и тело опояшет./ И падает, внезапно утомясь.*

В образе танцующей змеи, очевидно, совмещаются три плана: реальный, мифологический и субъективный, связанный с индивидуальным мировосприятием Мандельштама.

К реальному плану относится особенность поведения данных животных, описываемая зоологами так: *«Если случайно встретить пару змей, обвившихся друг вокруг друга и ритмично извивающихся “лицом к лицу”, ощущение будет странным и незабываемым. Поведение это столь необычно, что долгое время вводило в заблуждение даже специалистов, считавших, что “танцы” змей – часть их брачного ухаживания. В действительности, “танец” не что иное, как турнир самцов... Самцы-соперники пытаются, в прямом смысле слова, взять верх над противником – придавить к земле его голову и переднюю часть тела. Они приподнимаются над землей, причем каждый стремится подняться выше соперника; их тела при этом переплетаются, змеи как бы ползут друг по другу. При этом они могут толкать друг друга головой, пытаясь опрокинуть противника. В конце концов пирамида из переплетённых тел обрушивается»* [43]. Можно заметить, что зоологическое описание «танца змей» практически совпадает с тем, как его изобразил поэт – учитывая синонимические отношения выделенных лексем и мысленные образы-схемы тех или иных действий.

Однако если в природе этот «танец» исполняют две змеи, то у Мандельштама для обозначения субъекта данного танца используются формы единственного числа: *танцующая змея, больной удав.* Как можно объяснить эту «нестыковку» и действительно ли змея / удав в стихотворении танцует в одиночестве? Мы видим два возможных и взаимодополняющих объяснения.

Первая версия позволяет дать на этот вопрос положительный ответ. Она связана с мифологическими представлениями о гипнотической силе змеи, нашедшей отражение, в частности, в «Книге джунглей» Р. Киплинга (1894). Весьма вероятно, что в годы написания «Змея» Мандельштам уже мог быть знаком с этой книгой. Отрывок из более позднего произведения О.Э. Мандельштама «Путешествие в Армению» (1931) прямо говорит о том, что Мандельштам хорошо знал содержание «Книги джунглей»: *«Боюсь, ещё не родился добрый медведь Балу, который обучит меня, как мальчика Маугли из джунглей Киплинга, прекрасному языку “апсны” – хотя в отдалённом*

будущем академии для изучения группы кавказских языков рисуются мне разбросанными по всему земному шару» [44]. Приведём (в переводе Н.Л. Дарузес) фрагмент из произведения Р. Кипплинга, в котором описывается «пляска голода» удава перед его жертвами, обезьянами: «Он (Каа. – Л.К.) дважды или трижды **свернулся в большое двойное и тройное кольцо, покачивая головой справа налево. Потом начал выдвигать петли и восьмёрки и мягкие, расплывчатые треугольники, переходящие в квадраты и пятиугольники, не останавливаясь, не спеша и не прекращая ни на минуту негромкого гудения. Становилось всё темнее и темнее, и напоследок уже не видно было, как **извивается и свивается** Каа, слышно было только, как **шуршит его чешуя...**» [45. С. 55–56]. В этом описании мы видим те же элементы змеиного танца, которые упоминает О. Мандельштам: **свернулся в кольцо, покачивая головой, извивается и свивается** и др. Если принять данную интерпретацию, то получается, что «пляшущий удав» (образ которого, возможно, был навеян поэту произведением Р. Кипплинга), танцует в одиночестве, а лирический субъект лишь наблюдает его пляску со стороны.**

Вторая версия позволяет утверждать, что у змея всё-таки есть «партнёр» по танцу, он же соперник, и это – сам лирический субъект стихотворения. Основанием для такого утверждения может служить ряд текстовых фрагментов. Прежде всего, это многократное использование местоимения 1-го лица я и соответствующих форм глагола, обнаруживающее присутствие лирического субъекта внутри ситуации: **Я как змеей танцующей измучен; *трепещу; не хочу; я слушаю.*** Особо обратим внимание и на пространственное противопоставление «я... перед ней (змеёй)», создающее положение визави, 'друг против друга': **Я как змеей танцующей измучен/ И перед ней, тоскуя, трепещу.** Вопрос «к чему дышать?» тоже задаёт себе, очевидно, лирический субъект, *измученный* противоборством с удавом – змеёй, которая давит и тем самым душит свою жертву. *Тело*, которое *опоясывает* удав, не давая дышать – это тело лирического субъекта (так как «опоясать» собственное тело самим собой удав вряд ли может). Строка *И падает, внезапно утомясь* позволяет предположить, что лирический субъект всё-таки устоял в этом изматывающем поединке.

Ещё одна интерпретация образа танцующей змеи может быть обусловлена **индивидуально-авторским**, собственно «мандельштамовским» свертхтекстом, в котором этот образ имеет символическое значение (о понятии свертхтекста см. [46]; о том, при каких условиях образ становится символом – [47. С. 126–127]). В 1911 г. О. Мандельштам пишет стихотворение «Не спрашивай – ты знаешь...», где отождествляет «танцующих змей» и «страсти» (фрагмент стихотворения приводится по изданию [28. С. 143]):

*Дай руку мне. Что страсти?
Танцующие змеи!
И таинство их власти –
Убийственный магнит!*

*И змей тревожный танец
Остановить не смея,
Я созерцаю глянец
Девических ланит.*

Несмотря на то, что «Змей» был написан годом раньше, мы можем предположить, что образы «танцующих змей» в двух стихотворениях внутренне связаны и отражают некоторые идеи, важные для поэта в тот период. И если «танцующие змеи» – это страсти, значит, строки стихотворения «Змей» *Я как змеёй танцующей измучен/ И перед ней, тоскуя, трепещу* можно понимать как ‘я измучен страстью, страстями’. Какой смысл тогда вкладывается в слово *страсть*? Если в стихотворении «Не спрашивай – ты знаешь...» речь, скорее всего, идёт о влюблённости, то в «Змее» смысл, очевидно, иной, более сложный. Содержание «Змея» наводит на мысль о том, что «танцующая змея» – это не просто ‘сильное чувство’, а *страсть* в древнерусском значении слова: ‘страдание’, ‘мучение’, ‘болезнь’, ‘порок’, ‘борьба’, ‘мученическая смерть’ [48. С. 542–543]. Ср. в связи с этим утверждение М.Ю. Лотмана: «Поэтика Мандельштама органически входит в контекст эстетических идей русского православия» [49. С. 98].

Итак, «танцующая змея» – это образ, возникающий на пересечении реальности (танец змей как часть их видового поведения), литературно-мифологических представлений о действиях змеи, «гипнотизирующей» жертву, и символических смыслов, рождённых «внутри» поэзии Мандельштама (танцующие змеи – символ страсти, сильного чувства или страдания).

Больной удав. В стихотворении есть ещё один «змеинный» эпитет, который следует объяснить: *...на жёстких камнях пляшет/ Больной удав, свиваясь и клубясь*. Почему удав – больной? Очевидно, здесь мы встречаем, с одной стороны, наложение нескольких смыслов, с другой стороны, – результат динамического развития образа змея / змеи в контексте стихотворения.

Во-первых, «пляшущий больной удав» – это видение, ср.: *И, бесполезно, накануне казни,/ Видением и пеньем потрясен...* Непосредственно перед этими строками идёт описание танца больного удава. Значит, *больной удав* может пониматься как плод больного воображения. Такое истолкование позволяет усматривать в данном случае адъективную метонимию, основанную на гештальтном типе переноса определения [50. С. 108]: ‘*удав как плод больного воображения* → *больной удав*’. Во-вторых, если принять интерпретацию «танцующей змеи» как страсти, а *страсть* понимать как ‘болезнь’, ‘порок’, ‘мучение’, то тогда *больной удав* – это олицетворение и одновременно перевод из внутреннего плана во внешний болезненных, нездоровых, мучительных переживаний. Ср.: *Я как змеёй танцующей измучен...* → *На жестких камнях пляшет больной удав*. Ситуация ‘я измучен страстями, которые у меня внутри’ превращается в ‘больного, измученного удава, на которого я смотрю со стороны’.

Что касается динамики образа змея / змеи в контексте стихотворения, то она представлена в виде вербальной последовательности *Змей* (*‘Сатана’*) → *змея танцующая* → *больной удав* → *видение* и может быть интерпретирована как постепенное «растворение» образа, снижение его масштаба и значимости, как нисходящая градация. Библейский *Змей* как символ первородного греха сначала превращается в «безымянную» *танцующую змею*, символизирующую человеческие переживания (страсти), затем в

большого удава, как бы вбирающего в себя страдания лирического субъекта, и, наконец, в абстрактное *видение*, кошмар, морок, от которого лирический субъект очнулся и теперь готов стоически, «без боязни» принимать всё, чем мучается его душа и что посылает ему жизнь. Схематично это показано на рис. 2.

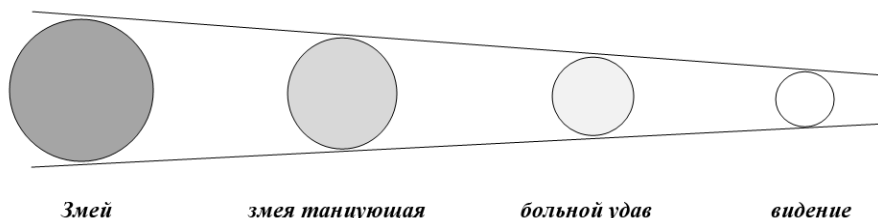

Рис. 2. От Змея до видения: нисходящая градация в развитии образа

Рассматривая развитие сюжета стихотворения таким образом – как постепенное преодоление лирическим субъектом «соблазна» Змея, мы вновь попадаем в библейско-евангельский контекст. Понять финал стихотворения и его смысловую связь с первой строфой (с её последовательностью *Змей – соблазн – Господь*) помогает богословский комментарий к стихам 3:14–3:15 «Евангелия от Иоанна», который приводит в своей статье Е.О. Осипова: «Когда человек смотрит на распятого Христа с верой как на Спасителя, ядовитый укус этого старого змея, дьявола, и укус греха и смерти нейтрализуется и исцеляется» [51. С. 441].

Как показывает анализ стихотворения, семантическая структура образа змея / змеи в поэзии О.Э. Мандельштама включает два уровня: культурологический и субъективно-личностный. К культурологическому уровню следует отнести концептуально-языковую, библейскую и мифологическую составляющие, поскольку «культурная информация либо содержится в семантике языковых единиц, либо формирует фон знаний для восприятия и интерпретации семантических структур, либо прикрепляется к языковому значению в виде культурной коннотации» [52. С. 60]. Субъективно-личностный уровень представляет собой совокупность смыслов, специфических и значимых для конкретного автора. Применительно к нашему материалу это, например, мандельштамовская метафора «страсти – танцующие змеи», а также в целом подчеркнутая амбивалентность серпентологических образов. Субъективно-личностный уровень структуры образа змея / змеи в стихах О.Э. Мандельштама этим не исчерпывается. Представим его более подробную характеристику в следующем разделе.

Субъективно-личностная специфика образа змея / змеи в поэзии О.Э. Мандельштама

Исследователи уже отмечали, что у Мандельштама образ змея / змеи символизирует постоянное изменение и движение в разных направлениях:

вверх и вниз, внутрь и наружу, из стороны в сторону, по спирали. Так, Д.М. Сегал, сопоставляя стихотворения «В самом себе, как змей, таясь...» и «Змей» с точки зрения выражения в них «семантики полёта, подъёма и падения, ритмического движения» [24. С. 386], обращает внимание на то, что в первом из этих стихотворений мы видим движение вверх: «змей... обретает крылья и поднимается ввысь», а во втором мы встречаем «движение не вверх, а вниз, внутрь себя, не к звёздам, а к земле, с её железом и камнями» [24. С. 389]. А. А. Васильева, обращавшаяся к стихотворению «В самом себе, как змей, таясь...», отмечает, что в данном стихотворении «актуализируется общий смысл противоречивости человеческих жизненных исканий / метаний и их закономерный итог (конечное “исчезновение”)» [21. С. 137]. От себя добавим, что даже в более позднем стихотворении «Ламарк» (1932) змеи упоминаются в контексте движения «по лестнице Ламарка», вниз, к простейшим формам жизни и последующему полному исчезновению: *К кольцецам спущусь и к усоногим, / Прошуршав средь ящериц и змей, По упругим сходям, по излогам / Сокращусь, исчезну, как Протей.*

Нельзя не согласиться с тем, что серпентологические образы у Манделштама воплощают идею разнонаправленного движения и противоречивости устремлений. Однако, на наш взгляд, понимание субъективно-личностной специфики образа змея / змеи в поэзии Манделштама может быть углублено и дополнено с учётом того, что «образ художественный является моделью вербализации образа перцептивного» [14. С. 46]. Поскольку в основе всякого образа лежат чувственно-наглядные представления, к пониманию субъективно значимых для поэта смыслов можно приблизиться путём выявления тех «перцептивно-семантических доминант» [14], на базе которых формируется образ змея / змеи в поэзии Манделштама.

Перцептивная лексика играет важную роль в создании образа змея / змеи как воплощения внутренних противоречий лирического субъекта. В стихотворении «Змей» обращают на себя внимание языковые средства, описывающие зрительные, кинестетические, осязательные и слуховые ощущения лирического субъекта.

Наибольшую значимость в контексте стихотворения имеют языковые средства с визуальной перцептивно-семантической доминантой в семантике и/или внутренней форме: *змея танцующая, излучины* (души), *лукавые* (отрицания), *распутывать, извилистый, клубок, свиваясь и клубясь* (пляшет удав), *качается, тело опояшет, падает*. Некоторые из перечисленных единиц (прежде всего образованные от глаголов *танцевать, распутывать, свиваться, качаться, опоясывать, падать*) одновременно вызывают представления и о кинестетических ощущениях, связанных со способностью «принимать определённые позы и чувствовать их, сохранять баланс, перемещаться, ощущать границы своего тела» [53. С. 61]. В семантике этих лексических единиц обнаруживаются в различных комбинациях семы 'движение', 'колебание', 'изменчивость', 'округлая форма', 'изгиб, поворот', 'смена направления', 'дезориентация', 'потеря равновесия'. Данные семы

создают метафорическую модель «змей / змея – это непрерывное внешнее и внутреннее изменение».

В семантике выражений *ржавое железо... разъедает плоть, лезвие тоски, кубок мой тяжёл, жёсткие камни* присутствует осязательность, которая «является наиболее телесным из всех видов ощущений» [53. С. 42]. С помощью данных лексических единиц душевные страдания метафорически описываются как впечатления от физического соприкосновения с твёрдыми, острыми, тяжёлыми предметами. Эти предметы словно ограничивают мятущуюся душу, ранят её, отягощают, удерживают в неких пределах. Отметим наличие сем ‘боль’, ‘тяжесть’, ‘жесткость’, благодаря которым рождается смысл «присутствие змея / змеи приносит страдания».

Тягостное впечатление усугубляется «звуковым фоном» стихотворения. По словам Д.М. Сегала, «в стихотворении “Змей” Мандельштам разрабатывает мотив какофонии» [24. С. 390]. Нам эта какофония видится (или, скорее, слышится) не только в том, что в стихотворении прямо названы неприятные слуховые восприятия – *скрип* и *визг железа* и *тёмный стон ветра*, но и во множестве по-змеиному «свистящих» и металлически «лязгающих» сочетаний с участием звуков [з] и [с], буквально пронизывающих текст: *железо, разъедает, соблазн, Крез, лезвие, жёсткий, свиваясь, бесполезно, казнь, узник, без боязни* и др. Попутно заметим, что графический рисунок букв «З» и «С» напоминает извивающуюся змею.

Благодаря своему «перцептивному сопровождению» образ змея / змеи у Мандельштама символизирует не просто душевные метания и противоречия, но и сам момент пребывания в пограничном состоянии, в точке выбора, в ситуации «соблазна». Это состояние временной утраты ориентира, баланса, гармонии крайне мучительно для субъекта. В стихотворении «Змей» идея напряжённого пребывания в пограничном состоянии подчёркивается разными способами:

– сочетанием *осенний сумрак*: *осень* – это переход от лета к зиме, *сумрак* – положение, промежуточное между светом и темнотой, ср. в связи с этим [54];

– обстоятельственной характеристикой *накануне казни*, т.е. в преддверии перехода от жизни к смерти, от бытия к небытию;

– глагольными формами *тоскуя, трепещу, потрясён*, обозначающими крайнее эмоциональное напряжение;

– одновременным участием и тела, и духа в переживании внутреннего разлада: *плоть, тело – душа, разум, Муза*.

Можно заключить, что образ змея / змеи для Мандельштама воплощает момент сложного внутреннего выбора, мучительного колебания между противоположностями, пребывания в пограничном состоянии. Сказанное представляется справедливым не только для стихотворения «Змей», но и для других стихов О.Э. Мандельштама, в которых присутствуют серпентологические образы. Например, в стихотворении «Не спрашивай – ты знаешь...» упоминаются «убийственный магнит» и «тревожный танец» змей-страстей. *Магнитное* поле, как известно, возникает в результате напряжённого

взаимодействия движущихся частиц с противоположными зарядами [55], а эпитеты *убийственный* и *тревожный* говорят об опасности, исходящей от «танцующих змей».

Выводы

Настоящее исследование представляет собой лишь одну из возможных интерпретаций стихотворения О.Э. Мандельштама «Змей». Его основные выводы состоят в следующем.

Стихотворения, включающие серпентологические образы, в поэтическом наследии О.Э. Мандельштама немногочисленны (их всего пять), как и используемые поэтом номинации змей (их всего три – *змей*, *змея*, *удав*). Наиболее важным из этих стихотворений является «Змей», где образ змея / змеи раскрывается сразу на двух уровнях – культурологическом и субъективно-личностном.

I. Культурологический уровень складывается из нескольких составляющих: концептуально-языковой, библейской, мифологической.

1.1. Концептуально-языковая информация о змеях выступает в поэзии Мандельштама в качестве общего для автора и читателя «коммуникативного фона». Змея – это ‘животное’, ‘пресмыкающееся, ползающее по земле’, ‘извивающееся’, ‘покрытое чешуёй’, ‘хищное’, ‘умерщвляющее добычу с помощью яда или удушения’ (денотативные семы). Это существо, с одной стороны, ‘коварное’, ‘злое, лживое’, ‘способное загипнотизировать, подчинить своей воле’, ‘способное ввести в искушение’, с другой – ‘много знающее, мудрое’ (коннотативные семы).

1.2. Библейская составляющая возникает вследствие ассоциативно-семантической связи номинации *Змей* с образом змея-искусителя (Сатаны) – соблазнителя, отрицателя, вечного антагониста Бога.

1.3. Мифологическая составляющая актуализируется благодаря выражению *змея танцующая*: в легендах и мифах народов мира змея часто наделяется гипнотической силой, и танец змеи – это её способ ввести жертву в оцепенение.

II. Субъективно-личностный уровень представляет собой совокупность смыслов, имеющих особую значимость для автора и во многом создаваемых им самим. К важнейшим характеристикам образа змея / змеи в поэзии Мандельштама относятся следующие.

2.1. Амбивалентность: в стихотворении «Змей» О.Э. Мандельштам использует одновременно три номинации (*змей*, *змея*, *удав*), из-за чего исследуемый образ получает двойственные характеристики – он одновременно «мужской» и «женский», «обобщённый» и «конкретизированный».

2.2. Динамичность, изменчивость: образ змея / змеи создаётся преимущественно за счёт лексики зрительного и кинестетического восприятия (*змея танцующая*, *свиваясь и клубясь* (пляшет удав), *качается*, *тело опояшет, падает*), содержащей семы ‘(разнонаправленное) движение’, ‘колебание’, ‘дезориентация’. В результате возникает смысл «змей / змея – это непрерывное внешнее и внутреннее изменение».

2.3. Связь с сильным чувством, переживанием (страстью или страданием): «танцующие змеи» прямо отождествляются со «страстями»; номинации *змеи, змея, удав* существуют в окружении лексики со значением неприятных слуховых и болезненных осязательных ощущений (*скрип и визг желез, тёмный стон ветра; ржавое железо... разъедает плоть, лезвие тоски, кубок мой тяжёл, жёсткие камни*), благодаря чему актуализируются семы 'боль', 'тяжесть', 'жёсткость', 'какофония' и возникает смысл «присутствие змея / змеи вызывает сильные чувства, приносит страдания».

В целом образ змея / змеи в поэзии Мандельштама воплощает сам момент пребывания субъекта в пограничном состоянии, в ситуации сложного выбора, «соблазна», временной потери ориентиров, утраты душевного равновесия, напряжённого и болезненного внутреннего поиска.

Список источников

1. Васильева А.А. Лексический аспект ассоциативного развертывания поэтических текстов О.Э. Мандельштама : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2004. 32 с.
2. Ежова Е.Н. Лингвистические средства организации звукового мира в поэтических текстах О.Э. Мандельштама : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ставрополь, 1999. 19 с.
3. Мартыненко Ю.Б. Антропонимы в поэзии В. Хлебникова и О. Мандельштама : дис. ... канд. филол. наук. М., 2002. 240 с.
4. Панова Л. Г. «Мир», «пространство», «время» в поэзии Осипа Мандельштама. М. : Языки славянской культуры, 2003. 808 с.
5. Шутова А.В. Лексическая регулятивность в лирике О.Э. Мандельштама как отражение динамики его поэтической картины мира : дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2022. 206 с.
6. Аксенова Д.А. Нижний мир в лирике О.Э. Мандельштама : комментарии к теме // Stephanos. 2023. № 1 (57). С. 194–200. doi: 10.24249/2309-9917-2023-57-1-194-200
7. Колтаев В.А. Бабочка – ка: к визуальной метафизике имени в поэзии О.Э. Мандельштама // Артикульт. 2016. № 4 (24). С. 6–18.
8. Макарова А.С. «Кроличья кровь» и «наследство овцеводов» – зоосимволика в неклассической прозе О.Э. Мандельштама 1920–1930-х годов // Вестник Государственного гуманитарно-технологического университета. 2022. № 3. С. 139–144.
9. Сальваторе Р. Образ воробья в поэзии О. Мандельштама 20-х гг. : предварительные замечания // Новый филологический вестник. 2018. № 1 (44). С. 138–149.
10. Толстогузов П.Н. Насекомые в «Грифельной оде» Мандельштама : авторский контекст и традиция витийственного жанра // Историческая поэтика жанра. 2006. № 1. С. 156–162.
11. Шарандин А.Л. Типы знаний в контексте теории интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2017. № 3. С. 10–18.
12. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста : Словарь-гезаурус. Томск : Издательство Томского государственного педагогического университета, 2008. 384 с.
13. Илюхина Н.А. Образ в лексико-семантическом аспекте. Самара : Самарский университет, 1998. 204 с.
14. Авдеевнина О.Ю. Перцептивно-семантические доминанты в художественном стилеобразовании // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия : Филология. Журналистика. 2015. Т. 15, № 4. С. 45–52.
15. Болотнова Н.С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2007. Вып. 2 (65). С. 74–79.

16. *Болотнова Н.С.* Коммуникативная стилистика : смысловое развёртывание поэтического текста и его интерпретация // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2020. Вып. 4 (210). С. 174–182.

17. *Казыдуб Н.Н.* Лингвистическое моделирование художественных образов как культурных кодов // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2024. № 4 (70). С. 125–133.

18. *Усачева О.А., Осотова А.С.* Семантическая структура образа «зрение» в русской языковой картине мира // Ученые записки Казанского университета. Серия : Гуманитарные науки. 2024. Т. 166, № 1. С. 34–46.

19. *Халикова Н.В.* Словесный образ как структурная единица в художественном тексте // Русистика и компаративистика : сборник научных трудов по филологии. М. : Общество с ограниченной ответственностью «Книгодел», 2019. С. 268–280.

20. *Халикова Н.В.* Формальная и семантическая структура словесного образа «ветер дует» в текстах произведений И.А. Бунина // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2020. № 4. С. 51–59.

21. *Васильева А.А.* О некоторых особенностях идиостиля О.Э. Мандельштама (ассоциативный аспект) // Вестник Томского государственного педагогического университета (TSPU Bulletin). 2006. Вып. 5 (56). С. 133–138.

22. *Жучкова А.В.* Изучение подсознательной составляющей поэтической речи О. Мандельштама // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 3 (41). С. 96–105.

23. *Сегал Д.* История и поэтика у Мандельштама : Становление поэтического мира [autre] // Cahiers du Monde Russe. Année 1992. 33-4. P. 447–495. URL: https://www.persee.fr/doc/cmnr_0008-0160_1992_num_33_4_2328 (дата обращения: 29.01.2025).

24. *Сегал Д.* История и поэтика у Мандельштама : Становление поэтического мира [article] // Cahiers du Monde Russe. Année 1993. 34-3. P. 369–413. URL: https://www.persee.fr/doc/cmnr_0008-0160_1993_num_34_3_2360 (дата обращения: 29.01.2025).

25. *Калинина Л.В.* Вещественные существительные в поэзии О.Э. Мандельштама (на материале стихотворений 1906–1920 годов) // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. 2006. № 15. С. 70–75.

26. *Калинина Л.В.* Языковые средства выражения семантики неуволимого в поэзии раннего О.Э. Мандельштама // Филология и культура. 2015. № 4 (42). С. 76–80.

27. *Калинина Л.В., Калинин И.А.* Образные трансформации в поэтическом переводе: лингводидактический аспект // Лингвокультурология. 2023. № 18. С. 106–115.

28. *Мандельштам О.* Камень. Л. : Наука. Ленингр. отд-е, 1990. 398 с.

29. *Мандельштам О.Э.* Собрание произведений : Стихотворения. М. : Республика, 1992. 576 с.

30. *Мец А.Г.* «Камень» (к творческой истории книги) // Мандельштам О. Камень. Л. : Наука, 1990. С. 277–285.

31. *Карелова М.А., Григорьева Л.М.* Статистический анализ при характеристике индивидуально-авторского словоупотребления (на материале поэтического наследия О. Э. Мандельштама) // Отечественная филология. 2019. № 2. С. 35–44.

32. *Толковый словарь русского языка* : В 4 т. / под ред. Д.Н. Ушакова. М. : Государственный институт «Советская энциклопедия» : Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1935–1940.

33. *Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В.* Краткий этимологический словарь русского языка. М. : Просвещение, 1971. 542 с.

34. *Большой толковый словарь русских существительных* : Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы / под ред. Л.Г. Бабенко. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. 864 с.

35. *Русский семантический словарь*. Толковый словарь, систематизированный по классам слов и значений / под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М. : Азбуковник, 1998. 807 с.
36. *Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов* / отв. ред. Н.Ю. Шведова. М. : Азбуковник, 2008. 1175 с.
37. *Фразеологический словарь русского языка* / под ред. А.И. Молоткова. М. : Советская энциклопедия, 1967. 543 с.
38. *Русская фразеология*. Историко-этимологический словарь / А.К. Бирих, В.М. Мокиенко, Л.И. Степанова ; под ред. В.М. Мокиенко. М. : Астрель : АСТ : Хранитель, 2007. 926 с.
39. *Новый Завет*. Откровение Иоанна Богослова. Глава 12. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/rev/12/> (дата обращения: 29.01.2025).
40. *Сатана*. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сатана> (дата обращения: 29.01.2025).
41. *Русский ассоциативный словарь-тезаурус*. URL: <https://thesaurus.ru/dict/dict.php> (дата обращения: 05.12.2024).
42. *Евангелие от Матфея*. Глава 26. 26: 38; 26:39. URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/26/> (дата обращения: 29.01.2025).
43. *Семёнов Д.В.* «Танцы» змей // Я познаю мир. Змеи, крокодилы, черепахи URL: <https://info.wikireading.ru/219509> (дата обращения: 05.12.2024).
44. *Мандельштам О.* Путешествие в Армению // Мандельштам О.Э. Выпрямительный вздох : Стихи. Проза / Составление, предисловие и указатель Д.И. Черашней. Ижевск : Удмуртия, 1990. С. 289–322.
45. *Киплинг Р.* Маугли. М. : Детская литература, 1976. 192 с.
46. *Лошаков А.Г.* Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен. Архангельск : Поморский университет, 2007. 344 с.
47. *Шелестюк Е.В.* О лингвистическом исследовании символа (обзор литературы) // Вопросы языкознания. 1997. № 4. С. 125–142.
48. *Срезневский И.И.* Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам : в 3 т. Т. 3. СПб. : Типография Императорской академии наук, 1912. 910 с. URL: <http://etymolog.ruslang.ru/doc/sreznevskijR-S.pdf> (дата обращения: 29.01.2025).
49. *Лотман М.Ю.* Мандельштам и Пастернак : (попытка контрастивной поэтики). Tallinn : Aleksandra, 1996. 175 с.
50. *Илюхина Н.А.* Лексическая метонимия в лингвокогнитивном осмыслении. Самара : САМАРАМА, 2023. 172 с.
51. *Осипова Е.О.* Змей и Мессия в Ин 3 // XXVII Срегенские чтения : материалы Всероссий. (национальной) науч.-богослов. конф. с междунар. участием, Москва, 19–20 февраля 2021 г. М. : Свято-Филаретовский православно-христианский институт, 2021. С. 438–443.
52. *Словарь лингвокультурологических терминов* / авт.-сост.: М.Л. Ковшова, Д.Б. Гудков; отв. ред. М.Л. Ковшова. М. : Гнозис, 2017. 192 с.
53. *Нагорная А.В.* Лингвосенсорика как перспективное направление современных лингвистических исследований: Аналит. обзор М. : РАН ИНИОН, 2017. 86 с.
54. *Фалеева А.С.* Темпоральные существительные как средство выражения эмоционального и физического состояния человека // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 489. С. 36–47. doi: 10.17223/15617793/489/4
55. *Магнетизм*. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Магнетизм> (дата обращения: 10.03.2025).

Reference

1. Vasil'eva, A.A. (2004) *Leksicheskiy aspekt assotsiativnogo razvertyvaniya poeticheskikh tekstov O.E. Mandel'shtama* [The lexical aspect of the associative development of O.E. Mandelstam's poetic texts]. Abstract of Philology Cand. Diss. Tomsk.

2. Ezhova, E.N. (1999) *Lingvisticheskie sredstva organizatsii zvukovogo mira v poeticheskikh tekstakh O.E. Mandel'shtama* [Linguistic means of organizing the sound world in O.E. Mandelstam's poetic texts]. Abstract of Philology Cand. Diss. Stavropol.

3. Martynenko, Yu.B. (2002) *Antroponimy v poezii V. Khlebnikova i O. Mandel'shtama* [Anthroponyms in the poetry of V. Khlebnikov and O. Mandelstam]. Philology Cand. Diss. Moscow.

4. Panova, L.G. (2003) *"Mir", "prostranstvo", "vremya" v poezii Osipa Mandel'shtama* ["World", "space", "time" in the poetry of Osip Mandelstam]. Moscow: Yazyki slavyanskoy kul'tury.

5. Shutova, A.V. (2022) *Leksicheskaya regulyativnost' v lirike O. E. Mandel'shtama kak otrazhenie dinamiki ego poeticheskoy kartiny mira* [Lexical regularity in the lyrics of O.E. Mandelstam as a reflection of the dynamics of his poetic worldview]. Philology Cand. Diss. Tomsk.

6. Aksenova, D.A. (2023) Nizhniy mir v lirike O.E. Mandel'shtama: kommentarii k teme [The lower world in the lyrics of O.E. Mandelstam: comments on the theme]. *Stephanos*. 1 (57). pp. 194–200. doi: 10.24249/2309-9917-2023-57-1-194-200

7. Kolotaev, V.A. (2016) Babochka - ka: k vizual'noy metafizike imeni v poezii O.E. Mandel'shtama [Butterfly - ka: towards the visual metaphysics of the name in the poetry of O.E. Mandelstam]. *Artikul't*. 4 (24). pp. 6–18.

8. Makarova, A.S. (2022) "Krolich'ya krov'" i "nasledstvo ovtsevodov" – zoosimvolika v neklassicheskoy proze O.E. Mandel'shtama 1920–1930-kh godov ["Rabbit's blood" and "the legacy of sheep breeders" – animal symbolism in the non-classical prose of O.E. Mandelstam in the 1920s–1930s]. *Vestnik Gosudarstvennogo gumanitarno-tekhnologicheskogo universiteta*. 3. pp. 139–144.

9. Sal'vatore, R. (2018) Obraz vorob'ya v poezii O. Mandel'shtama 20-kh gg.: predvaritel'nye zamechaniya [The image of the sparrow in the poetry of O. Mandelstam of the 1920s: preliminary remarks]. *Novyy filologicheskyy vestnik*. 1 (44). pp. 138–149.

10. Tolstoguzov, P.N. (2006) Nasekomye v "Grifel'noy ode" Mandel'shtama: avtorskiy kontekst i traditsiya vityestvennogo zhanra [Insects in Mandelstam's "The Slate Ode": the author's context and the tradition of the oratorical genre]. *Istoricheskaya poetika zhanra*. 1. pp. 156–162.

11. Sharandin, A.L. (2017) Tipy znaniy v kontekste teorii interpretatsii [Types of knowledge in the context of interpretation theory]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki*. 3. pp. 10–18.

12. Bolotnova, N.S. (2008) *Kommunikativnaya stilistika teksta: Slovar'-tezaurus* [Communicative stylistics of the text: Thesaurus-Dictionary]. Tomsk: TSPU.

13. Ilyukhina, N.A. (1998) *Obraz v leksiko-semanticheskoy aspekte* [Image in the lexical-semantic aspect]. Samara: Samara University.

14. Avdevnina, O.Yu. (2015) Pertseptivno-semanticheskie dominanty v khudozhestvennom stileobrazovanii [Perceptual-semantic dominants in artistic style formation]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika*. 15 (4). pp. 45–52.

15. Bolotnova, N.S. (2007) O metodike izucheniya assotsiativnogo sloya khudozhestvennogo kontsepta v tekste [On the methodology for studying the associative layer of an artistic concept in a text]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (65). pp. 74–79.

16. Bolotnova, N.S. (2020) Kommunikativnaya stilistika: smyslovoe razvortyvanie poeticheskogo teksta i ego interpretatsiya [Communicative stylistics: semantic development of a poetic text and its interpretation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 4 (210). pp. 174–182.

17. Kazydub, N.N. (2024) Lingvisticheskoe modelirovanie khudozhestvennykh obrazov kak kul'turnykh kodov [Linguistic modeling of artistic images as cultural codes]. *Vestnik*

Krasnoyarskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. V.P. Astaf'eva (Vestnik KGPU). 4 (70). pp. 125–133.

18. Usacheva, O.A. & Osipova, A.S. (2024) Semanticheskaya struktura obraza "zrenie" v russkoy yazykovoy kartine mira [The semantic structure of the image of "vision" in the Russian linguistic worldview]. *Uchenye zapiski Kazanskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki*. 166 (1). pp. 34–46.

19. Khalikova, N.V. (2019) Slovesnyy obraz kak strukturnaya edinitsa v khudozhestvennom tekste [The verbal image as a structural unit in a literary text]. In: *Rusistika i komparativistika: sbornik nauchnykh trudov po filologii* [Russian Studies and Comparative Studies: collection of scientific works on philology]. Moscow: Obshchestvo s ogranichennoy otvetstvennost'yu "Knigodel". pp. 268–280.

20. Khalikova, N.V. (2020) Formal'naya i semanticheskaya struktura slovesnogo obraza "veter duet" v tekstakh proizvedeniy I.A. Bunina [The formal and semantic structure of the verbal image "the wind blows" in the texts of I.A. Bunin's works]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Russkaya filologiya*. 4. pp. 51–59.

21. Vasil'eva, A.A. (2006) O nekotorykh osobennostyakh idiostilya O. E. Mandel'shtama (assotsiativnyy aspekt) [On some features of the idiostyle of O.E. Mandelstam (associative aspect)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 5 (56). pp. 133–138.

22. Zhuchkova, A.V. (2016) Studying the subconscious component of O. Mandelstam's poetic speech. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 3 (41). pp. 96–105. (In Russian).

23. Segal, D. (1992) Istoriya i poetika u Mandel'shtama: Stanovlenie poeticheskogo mira [History and poetics in Mandelstam: The formation of the poetic world]. *Cahiers du Monde Russe*. 33 (4). pp. 447–495. [Online] Available from: https://www.persee.fr/doc/cmr_0008-0160_1992_num_33_4_2328 (Accessed: 29.01.2025).

24. Segal, D. (1993) Istoriya i poetika u Mandel'shtama: Stanovlenie poeticheskogo mira [History and poetics in Mandelstam: The formation of the poetic world]. *Cahiers du Monde Russe*. 34 (3). pp. 369–413. [Online] Available from: https://www.persee.fr/doc/cmr_0008-0160_1993_num_34_3_2360 (Accessed: 29.01.2025).

25. Kalinina, L.V. (2006) Veshchestvennye sushchestvitel'nye v poezii O.E. Mandel'shtama (na materiale stikhotvoreniiy 1906–1920 godov) [Material nouns in the poetry of O.E. Mandelstam (based on poems from 1906–1920)]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta*. 15. pp. 70–75.

26. Kalinina, L.V. (2015) Yazykovye sredstva vyrazheniya semantiki neulovimogo v poezii rannego O.E. Mandel'shtama [Linguistic means of expressing the semantics of the elusive in the poetry of the early O.E. Mandelstam]. *Filologiya i kul'tura*. 4 (42). pp. 76–80.

27. Kalinina, L.V. & Kalinin, I.A. (2023) Obraznye transformatsii v poeticheskom perevode: lingvodidakticheskiy aspekt [Figurative transformations in poetic translation: a linguodidactic aspect]. *Lingvokul'turologiya*. 18. pp. 106–115.

28. Mandel'shtam, O. (1990) *Kamen'* [Stone]. Leningrad: Nauka. Leningradskoe otdelenie.

29. Mandel'shtam, O.E. (1992) *Sobranie proizvedeniy: Stikhotvoreniya* [Collected Works: Poems]. Moscow: Respublika.

30. Mets, A.G. (1990) "Kamen'" (k tvorcheskoy istorii knigi) ["Stone" (towards the creative history of the book)]. In: Mandel'shtam, O. *Kamen'* [Stone]. Leningrad: Nauka. pp. 277–285.

31. Karelova, M.A. & Grigor'eva, L.M. (2019) Statisticheskiy analiz pri kharakteristike individual'no-avtorskogo slovoupotrebleniya (na materiale poeticheskogo naslediya O.E. Mandel'shtama) [Statistical analysis in characterizing individual authorial word usage (based on the poetic heritage of O.E. Mandelstam)]. *Otechestvennaya filologiya*. 2. pp. 35–44.

32. Ushakov, D.N. (ed.) (1935–1940) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Russian Language: in 4 vols]. Moscow: Gosudarstvennyy institut "Sovetskaya entsiklopediya": Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarey.

33. Shanskiy, N.M., Ivanov, V.V. & Shanskaya, T.V. (1971) *Kratkiy etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Concise Etymological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Prosveshchenie.
34. Babenko, L.G. (ed.) (2005) *Bol'shoy tolkovyy slovar' russkikh sushchestvitel'nykh: Ideograficheskoe opisanie. Sinonimy. Antonimy* [Large Explanatory Dictionary of Russian Nouns: Ideographic Description. Synonyms. Antonyms]. Moscow: AST-PRESS KNIGA.
35. Shvedova, N.Yu. (ed.) (1998) *Russkiy semanticheskii slovar'. Tolkovyy slovar', sistematizirovannyi po klassam slov i znacheniy* [Russian Semantic Dictionary. Explanatory Dictionary, Systematized by Classes of Words and Meanings]. Vol. 1. Moscow: Azbukovnik.
36. Shvedova, N.Yu. (ed.) (2008) *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklyucheniem svedeniy o proiskhozhdenii slov* [Explanatory Dictionary of the Russian Language with Inclusion of Information on the Origin of Words]. Moscow: Azbukovnik.
37. Molotov, A.I. (ed.) (1967) *Frazeologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Phraseological Dictionary of the Russian Language]. Moscow: Sovetskaya entsiklopediya.
38. Birikh, A.K., Mokienko, V.M. & Stepanova, L.I. (2007) *Russkaya frazeologiya. Istoriko-etimologicheskii slovar'* [Russian Phraseology. Historical and Etymological Dictionary]. Moscow: Astrel': AST: Khranitel'.
39. *Novyy Zavet. Otkrovenie Ioanna Bogoslova. Glava 12* [The New Testament. Revelation of John the Divine. Chapter 12]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/bible/rev/12/> (Accessed: 29.01.2025).
40. Wikipedia. (2025) *Satana* [Satan]. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Сатана> (Accessed: 29.01.2025).
41. *Russkiy assotsiativnyy slovar'-tezaurus* [Russian Associative Thesaurus-Dictionary]. [Online] Available from: <https://thesaurus.ru/dict/dict.php> (Accessed: 05.12.2024).
42. *Evangelie ot Matfeya. Glava 26. 26: 38; 26:39* [The Gospel of Matthew. Chapter 26. 26:38; 26:39]. [Online] Available from: <http://www.patriarchia.ru/bible/mf/26/> (Accessed: 29.01.2025).
43. Semenov, D.V. (n.d.) "Tantsy" zmey ["Dances" of snakes]. In: *Ya poznayu mir. Zmei, krokodily, cherepakhi* [I Explore the World. Snakes, Crocodiles, Turtles]. [Online] Available from: <https://info.wikireading.ru/219509> (Accessed: 05.12.2024).
44. Mandel'shtam, O. (1990) *Puteshestvie v Armeniyu* [Journey to Armenia]. In: Mandel'shtam, O.E. *Vypryamitel'nyy vzdokh: Stikhi. Proza* [The Straightening Breath: Poems. Prose]. Compiled by D.I. Cherashnyaya. Izhevsk: Udmurtiya. pp. 289–322.
45. Kipling, R. (1976) *Maugli* [The Jungle Book]. Moscow: Detskaya literatura.
46. Loshakov, A.G. (2007) *Sverkhtekst kak slovesno-kontseptual'nyy fenomen* [Hypertext as a verbal-conceptual phenomenon]. Arkhangelsk: Pomorskiy universitet.
47. Shelestyuk, E.V. (1997) *O lingvisticheskom issledovanii simvola (obzor literatury)* [On the linguistic study of the symbol (a review of the literature)]. *Voprosy yazykoznaniiya*. 4. pp. 125–142.
48. Sreznevskiy, I.I. (1912) *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam: v 3 t.* [Materials for a Dictionary of the Old Russian Language Based on Written Monuments: in 3 vols]. Vol. 3. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences. [Online] Available from: <http://etymolog.ruslang.ru/doc/sreznevskijR-S.pdf> (Accessed: 29.01.2025).
49. Lotman, M.Yu. (1996) *Mandel'shtam i Pasternak: (popytka kontrastivnoy poetiki)* [Mandelstam and Pasternak: (an attempt at contrastive poetics)]. Tallinn: Aleksandra.
50. Ilyukhina, N.A. (2023) *Leksicheskaya metonimiya v lingvokognitivnom osmyslenii: monografiya* [Lexical Metonymy in Linguo-cognitive Understanding: a monograph]. Samara: SAMARAMA.
51. Osipova, E.O. (2021) [The Serpent and the Messiah in John 3]. *XXVII Sretenskie chteniya* [XXVII Sretensky Readings]. Proceedings of the All-Russian (National) Scientific and Theological Conference with International Participation. Moscow. February 19–20, 2021. Moscow: St. Philaret's Orthodox Christian Institute. pp. 438–443. (In Russian).

52. Kovshova, M.L. & Gudkov, D.B. (2017) *Slovar' lingvokul'turologicheskikh terminov* [Dictionary of Linguoculturological Terms]. Moscow: Gnozis.

53. Nagornaya, A.V. (2017) *Lingvosensorika kak perspektivnoe napravlenie sovremennykh lingvisticheskikh issledovaniy: Analit. obzor* [Linguosensorics as a Promising Direction in Modern Linguistic Research: An Analytical Review]. Moscow: RAN INION.

54. Faleeva, A.S. (2023) Temporal nouns as a means of expressing a person's emotional and physical state. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal*. 489. pp. 36–47. (In Russian). doi: 10.17223/15617793/489/4

55. *Magnetizm* [Magnetism]. [Online] Available from: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Магнетизм> (Accessed: 10.03.2025).

Информация об авторе:

Калинина Л.В. – д-р филол. наук, профессор кафедры русского языка, культуры речи и методики обучения Вятского государственного университета (Киров, Россия). E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

L.V. Kalinina, Dr. Sci. (Philology), professor, Vyatka State University (Kirov, Russian Federation). E-mail: grifon.kalinina@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 07.02.2025;
одобрена после рецензирования 13.03.2025; принята к публикации 23.01.2026.*

*The article was submitted 07.02.2025;
approved after reviewing 13.03.2025; accepted for publication 23.01.2026.*